

Андрей Амальрик: рефутация советского антинорманизма

Перепечатаем статью Д.Н. Верхотурова — рецензию на книгу А. Амальрика «Норманны и Киевская Русь» (Амальрик А. *Норманны и Киевская Русь / Науч. публикация, предисловие и комментарии О.Л. Губарева.* – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 232 с.). **Статья была опубликована в журнале *Valla*.**

Д.Н. Верхотуров «Андрей Амальрик: рефутация советского антинорманизма»

Valla. №4(1-2), 2018.

В начале 2018 года вышла в свет удивительная и по-своему уникальная [книга Андрея Амальрика «Норманны и Киевская Русь»](#). Это издание рукописи, написанной в 1961 г. студентом второго курса исторического факультета МГУ и пролежавшей десятилетия в библиотеке Университета Виргинии в США, появилось спустя 38 лет после смерти автора в 1980 г.

Конечно, коллеги, участвующие в старинной забаве русских историков – споре о варягах – и следящие за ней, знают, кто такой Андрей Амальрик, и слышали об этой работе. Но я все же хочу подчеркнуть экстраординарность этого случая. За прошедшие десятилетия студентами второго курса исторических факультетов многих университетов и институтов были написаны, без особого преувеличения, сотни тысяч курсовых работ. Хорошие или плохие это были работы, за них получали оценки, но они, в подавляющей своей массе, либо пропали, либо пылятся в архиве. Только одна курсовая работа заслужила такие небывало высокие почести – быть изданной в качестве научного труда. Стало быть, и качество этой научной работы небывало высокое.

Эту работу разыскал и довел до научной общественности О.Л. Губарев, которому случайно удалось узнать, что она хранится в США, и получить отсканированную копию. Он проделал большой труд по подготовке рукописи к изданию, за что, конечно, заслуживает огромной благодарности.

Как уже говорилось, об этой работе Амальрика участникам спора о варягах известно, она упоминалась в некоторых публикациях, в частности, в книге Л.С. Клейна, в которой он издал материалы третьей дискуссии о варягах, состоявшейся 24 декабря 1965 года в стенах исторического факультета Ленинградского университета [Клейн 2009]. Клейн и Амальрик написали свои работы, в которых доказывали тезис о значительной роли норманнов в сложении Руси, одновременно – в 1960 году. Но судьба их была различной. Амальрика исключили из МГУ, впоследствии дважды арестовывали (один раз он был приговорен к ссылке, а второй раз к лишению свободы), после чего он покинул СССР, став к тому времени известным диссидентом. Клейну же удалось отстоять свои позиции в публичной дискуссии. Как пишет Клейн в предисловии к своей книге: «Выводы мои были теми же, что и у Амальрика, но факультет был несколько либеральнее, я был старше, опытнее. У меня за плечами было руководство в школьные годы подпольной юношеской организацией “Прометей”, которую раскрыли лишь задним числом» [Клейн 2009: 11]. Понимая, что дискуссия имеет политическую подоплеку, Клейн нашел аргументы чисто политического свойства, которыми и обезоружил своих оппонентов. Он показал, что зарубежные антинорманисты, которых очень любили в то время цитировать в советской исторической литературе, издавались в немецких журналах «Остфоршунга» – кругов самого радикального германского реваншизма, которым были присущи крайне антисоветские настроения [ibid.: 117]. Первый редактор *Jahrbuch für Geschichte Osteuropas* Ганс Кох оказался человеком с весьма занятной биографией: бывший офицер австро-венгерской контрразведки, директор ряда институтов по изучению Восточной Европы, во время войны сотрудничал с украинскими националистами батальона «Нахтигаль» (входил в состав диверсионного подразделения Абвера «Бранденбург 800»), который, по некоторым сведениям (споры об этом идут до сих пор), участвовал в расстрелах поляков и евреев во Львове. Второй редактор журнала Г. Штадтмюллер оказался в одной организации – Западной Академии в Мюнхене – вместе с бывшим командиром батальона «Нахтигаль» Теодором Оберлендером и бывшим генералом танковых войск, кавалером Рыцарского креста с дубовыми листьями, мечами и бриллиантами Хассо фон Мантейфелем. Это обстоятельство предопределило исход публичной дискуссии. Разумеется, оппонентам Клейна вовсе не улыбалось оказаться в компании бывших нацистов, это могло бы кончиться оргвыводами за потерю политической бдительности и крупным

политическим погромом.

Победе Клейна в публичной дискуссии мы обязаны продолжением исследований славяно-скандинавских отношений, что со временем, особенно после масштабных археологических раскопок, привело к признанию значительной роли скандинавов на Руси. С этим тезисом теперь могут спорить только самые рьяные антинорманисты, отрицающие научную методологию. У Амальрика не было таких политических аргументов, его работа сугубо научная, хотя и не без сильного полемического задора. Но пострадал он не совсем за науку, и об этом будет сказано чуть ниже.

Научное значение труда Амальрика

О.Л. Губарев пишет в предисловии к изданию:

Основное значение этой работы заключается в попытке впервые попытаться восстановить ход исторического процесса, основываясь на гипотезе А.А. Шахматова о Начальном своде. Вторая такая попытка была сделана много позже К. Цукерманом, вызвала дискуссию и в целом не нашла признания историков. Полученные А.А. Амальриком результаты говорят, на мой взгляд, о том, что версия истории Начальной Руси, изложенная в ПВЛ, гораздо ближе к реальности, чем гипотетические реконструкции А.А. Шахматова, и лучше подтверждается данными источников и археологией (с. 12).

Рассматривая собственно работу Амальрика, с этим выводом вряд ли можно согласиться. Он выступает в целом сторонником теории Шахматова, хотя местами его довольно сильно критикует, и как раз в вопросе насчет сказания о призвании варягов. Амальрик вовсе не пытается представить ПВЛ в качестве абсолютно непогрешимого и нераздельного источника (этот подход был характерен для норманизма «немецкой школы» и в наибольшей степени выражен в знаменитом труде Августа Шлёцера «Нестор»), он признает и наличие нескольких сводов, предшествовавших ПВЛ, и явно искусственный характер летописной хронологии.

Так в чем же разошлись Шахматов и Амальрик? В том, что первый, насколько можно судить из его трудов, старался устранить сюжет с призванием варягов из летописи, и в реконструированном им Древнейшем своде этого сказания нет. По Шахматову, сказание появилось в Новгородском своде 1050 г. и было по сути выдумкой летописца. Амальрик с этим не соглашается и полагает, что первоисточником было устное сказание, записанное составителем Новгородского свода 1050 года, и сказание это было сагой, бытовавшей среди скандинавов в Новгороде и дошедшей до нас только в изложении летописца (с. 69). Амальрик обращает внимание на однозначную связь Рюрика и Игоря, которая сохранилась и в Начальном своде, и в ПВЛ, правда, разными способами, и считает, что сказание о Рюрике выглядит слишком исторично, чтобы быть только выдумкой.

Но дальше Амальрик проявил свой острый ум и выдвинул предположение, и сегодня удивляющее своей смелостью. По его мнению, раз Рюрик и Игорь твердо считались родственниками (отцом и сыном), а летописная хронология определенно выдуманная, то надо идти от Игоря, время правления которого известно и засвидетельствовано договором с Византией. Стало быть, если Игорь появился в Киеве около 940 г., то его отец – Рюрик – мог появиться в Новгороде и Ладоге примерно в 20-х – 30-х годах X в. (с. 72).

Передатировка времени появления Рюрика – очень смелый ход, и это единственное в своем роде предположение во всей историографии спора о варягах. С логикой Амальрика трудно не согласиться, поскольку крайне маловероятно, что Рюрик мог родить Игоря перед самой смертью, на склоне лет. Если не признавать такого варианта, то действительно надо время Рюрика передвинуть на первую половину X в. Тем более что все равно нет веских доказательств того, что он появился в 60-х годах IX в., как это указано в летописи. Может быть, передатировка окажется полезной и можно будет разыскать следы этого вождя, известного нам только по сказанию, но весьма историчного. Также это многое меняет в наших представлениях об истории варяжской эпохи и, в частности, ставит вопрос о предшественниках Рюрика, которые, как мы знаем по археологическим данным, появились в Ладоге примерно за 150 лет до указанного времени.

Уже только ради этого стоило издавать работу Амальрика. Однако он делает, основываясь на анализе летописей, во вполне шахматовском духе, предположение, что Олег и Игорь не были связаны между собой. Амальрик основывается на гипотезе В.А. Пархоменко, который впервые обратил внимание на то, что в договоре Игоря совершенно не упоминается Олег, что было бы невозможно, если бы он был или приемным отцом Игоря, или, по крайней мере, ближайшим соратником. Амальрик подчеркивает, что в летописи между Олегом и Игорем много пропусков. Из работы Пархоменко Амальрик взял и другой тезис: Аскольд и Дир также не были связаны между собой и погибли в разное время, на что указывают разные места погребения.

Но он идет дальше и полагает, что события имели следующее развитие. Первым был Аскольд, которого убил Олег перед захватом Киева. Затем Олег прославился своими походами, византийским посольством и договором с ним (по тем временам

событие экстраординарной важности), а потом его погубила страсть к походам, и, по предположению Амальрика, он погиб во время похода на Каспийское море в 911/912 г. Дир стал его преемником, и это мог быть как скандинав, так и представитель местной, славянской знати (с. 83). Он, в свою очередь, пал жертвой Игоря, шедшего в крупный поход на юг, окончившийся для него неудачно, после которого он некоторое время пробыл в Киеве пока не погиб при довольно загадочных обстоятельствах.

Думается, что Амальрик прав в целом, предлагая такую последовательность событий, которая гораздо лучше согласуется с фактами, без каких-либо существенных натяжек. Из этого вытекает, на мой взгляд, два важных вывода. Во-первых, по территории будущей Руси в первой половине X века бродили и воевали несколько отрядов скандинавов, которые явно больше интересовались походами, чем государственным строительством. Во-вторых, и с этим связана оговорка о будущей Руси, в то время никакой Руси, ни как государства, ни как владения, еще не существовало; это продукт более позднего времени. На мой взгляд, эта предыстория Руси, собственно к ней имевшая малое отношение, была включена в летопись и в историю Руси по соображениям политического престижа: варяжские вожди добились небывалых почестей и договоров с Византией. Об этом была жива еще народная молва, впечатленная грандиозными подвигами чужаков. Отказываться от такого наследия было бы неразумно, вот их и сделали предками правивших в момент составления летописи князей, уже определенно нескандинавского происхождения.

Понятно, что пока что это относится больше к области предположений, чем доказанных фактов, тем не менее работа Амальрика представляет большой интерес. Иногда для развития исторической науки надо выдвигать новые гипотезы и предположения.

За что же пострадал Амальрик?

Олег Губарев, написавший к работе Амальрика объемистый комментарий, считает, что он пострадал за науку:

А.А. Амальрик отказался пересмотреть свои взгляды. В результате он был исключен из Московского университета. Кроме того, он совершил чудовищное по меркам СССР преступление – попытался переслать свою работу в Данию, чтобы получить на нее рецензию видного историка-скандинависта А. Стендер-Петерсена, преданного в СССР официальной анафеме в качестве «неонорманиста» (с. 112).

Между тем в своих воспоминаниях, в книге «Нежеланное путешествие в Сибирь», Амальрик вспоминает об этом эпизоде как о доставившем ему неприятности, но не повлекшем за собой более серьезных последствий. Он вспоминает, что рукопись, которую посольство Дании сначала согласилось переслать по адресу профессора, оказалась сначала в МИД СССР, а оттуда попала в КГБ. С Амальрика были взяты объяснения, рукопись отправили на рецензию, и через несколько месяцев КГБ ее вернуло обратно, сопроводив рекомендацией не делать больше попыток ее пересылки за границу. В 1965 г., когда Амальрика сослали в Сибирь, к нему применили статью «тунеядство». Лишь в октябре 1970 г., когда на него было заведено дело за книгу «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», его историческая работа была приобщена к делу и была отправлена на рецензию Б.А. Сулягину, который назвал ее «перепевом известной норманнской теории».

Таким образом, причины преследования Амальрика не были напрямую связаны с попытками пересылки рукописи за границу. На мой взгляд, причина исключения его из университета была в другом, но тоже отчасти связана с политикой. Дело в том, что в своей работе Амальрик не просто раскритиковал антинорманистские теории, но и буквально сокрушил их, уличив их авторов в научной недобросовестности.

Например, разбирая статью С.В. Юшкова 1940 г., он подчеркивает: «Удивляет в этой статье многое, прежде всего то, что автор позволяет себе ссылаться на литературу, которой он не читал, и на источники, с которыми совершенно не знаком» (с. 42). Амальрик указывает, что у Юшкова была явно ложная ссылка на статью В.А. Брима, где Юшков приписал этому автору то, что он не утверждал (утверждение о существовании северной и южной Руси, тогда как Брим писал о дославянском бытовании на юге корня *рос-*). Это не единственный такой пример. Вывод его был уничтожающим: «При всем желании к статье С.В. Юшкова – этому соединению юридической изворотливости доказательств с катастрофическим незнанием литературы и источников – нельзя отнестись серьезно, разбирать его “аргументацию” и как-то полемизировать с ним» (с. 48). Хотя все остальные антинорманисты, такие, как Б.Д. Греков, М.Н. Тихомиров и Б.А. Рыбаков, на Юшкова сочувственно ссылались.

Досталось от Амальрика и М.Н. Тихомирову, и Б.А. Рыбакову. Рыбаков относил сложение славянской государственности у полян, древлян, словен, дреговичей и северян к VI в. Это Амальрик прокомментировал так: «Такой взгляд, казалось бы, требует ответа: в каком же отношении стоит государство VI века к Киевской Руси IX века, неужели русский народ 300 лет

проспал летагрическим сном и, начав свою историю в VI веке, с той же точки продолжил ее только в IX?» (с. 97). На этот остроумный выпад против его теории антского государства Рыбакову, пожалуй, нечего было ответить, тем более что он сам признавал, что процесс превращения раннего Киевского княжества в Русское государство остался неизвестным. Нет городов, нет письменности – может ли в таких условиях вообще существовать государство?

Обратимся теперь к предисловию Амальрика. Он пишет, что показывал свою работу многим видным историкам: А.В. Арциховскому, А.А. Зимину, В.Д. Королюку, А.Л. Монгайту, А.М. Сахарову, В.М. Туроку и... Б.А. Рыбакову. Думается, что в этом и состоит ответ на вопрос, почему Амальрика исключили из университета. Из этого списка только в адрес Рыбакова в работе была прямая критика. Вероятнее всего, именно он и возбудил инициативу удалить Амальрика из университета и тем самым закрыть ему путь в науку. Не признавать же было ему, что его, маститого историка, академика АН СССР с 1958 г., положил на лопатки студент-второкурсник?

Помимо личных мотивов, скорее всего, были и мотивы политические. Как хорошо известно, в те годы группа крупных историков разрабатывала и утверждала теорию совершенно самостоятельного развития государства у славян. Эта теория оставляет впечатление изображения тягучего, основательного, длительного процесса объединения, даже сосредоточения славянских племен, завершившегося созданием государства. Она подробно изложена в широко известной книге Б.Д. Грекова [Греков 1953].

Рыбаков в эту теорию привнес отождествление Кия из летописи и анта Хильбудия из сочинения Прокопия Кесарийского, и на этом основании выдвинул гипотезу об антском государстве [Рыбаков 1955: 12]. Своим самым большим достижением он считал, что ареал антской культуры в целом совпал с летописными полянами, также выделенными археологически. Казалось бы, вот решение старой проблемы. Славянское государство в Поднепровье существовало задолго до варягов, и это даже как будто бы подтверждалось письменными источниками и археологическими материалами. Оказалось, однако, что достаточно одного вопроса, чтобы эта теория пала.

По литературе тех лет хорошо заметно, что авторов не особо волновали ни шаткость их теорий, ни явный недостаток доказательств. Зарождение и развитие советской версии антинорманизма имело, конечно, сугубо политические причины, сформированные войной. В 1930-х годах в Германии действительно норманизм получил крайнее толкование – как свидетельство исторического превосходства германцев над славянами, – да и нацистская идеология также охотно обращалась к германской истории и мифологии, в особенности скандинавской. Советский антинорманизм формировался во многом как антитеза, с выраженным стремлением совершенно исключить скандинавов из русской истории. В годы войны советский антинорманизм выступил как идеологическое оружие. Тогда-то он и приобрел хорошо знакомые нам черты догмы, не допускающей никаких сомнений в исконно славянском характере русского государства, вплоть до пренебрежения фактами или их очень произвольного толкования. Послевоенные усилия историков были призваны как раз подкрепить эту, политическую по происхождению, теорию некоторым научным базисом.

Базис этот, впрочем, оказался настолько хлипким, что его смог обрушить студентвторокурсник, проявивший внимательность к научной логике, фактам и историографии. Вот за это Амальрика и исключили из университета.

В завершение всего этого стоит вспомнить великие слова Томаша Масарика: «Великое не может быть великим, если оно лживо», – лозунг, под которым он развеял уверенность в подлинности Краледворской рукописи. И наоборот, все, что не лживо, так или иначе становится великим. За это мы сегодня чтим Амальрика и имеем возможность видеть его работу изданной.

Верхотуров Д.Н.,

г. Москва,

независимый исследователь e-mail: wehr@yandex.ru

Литература:

Греков 1953 – Греков Б.Д. Киевская Русь. – М.: Госполитиздат, 1953.

Клейн 2009 – Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009.

Рыбаков 1955 – Рыбаков Б.А. Образование древнерусского государства. – М.: АН СССР,